УТВЕРЖДАЮ
Проректор по научной работе и
международной деятельности
кандидат технических наук, доцент
_____ А. Ю. Алтухов
«29» 10 2026 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск) – на диссертацию Завгородней Анастасии Александровны «Интересы в праве и их соотношение: теоретико-правовое исследование», представленную на соискание учёной степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки) в диссертационный совет 75.2.016.02, созданный на базе АНО ВО «Российский новый университет» (Москва, 2026.)

Актуальность темы и общая характеристика исследования. Предметом рассмотрения в диссертации А. А. Завгородней выступает соотношение интересов на различных уровнях их формирования, правового признания и реализации. Исследование направлено на создание научной концепции, посредством которой социальное содержание интересов, их юридические формы и способы согласования рассматриваются во взаимной связи. Такой замысел определяет общетеоретический характер работы и её обращение к проблемам правообразования, действия права и выбора средств правового регулирования (С. 12–14).

Интересы давно входят в предмет юридических исследований. Проведенные исследования посвящены интересам в праве в целом, а также законным интересам, субъективным правам, вопросам их охраны и судебной защиты. Вместе с тем отдельные направления разрабатываются с использованием различающихся оснований квалификации и терминологии. Для общей теории права сохраняет значение задача объяснить, как социальное

стремление получает юридическое выражение, какие изменения происходят при его институционализации и на каких основаниях устанавливается определённое соотношение с другими интересами, чтобы о нем можно было судить как о справедливом. Актуальность диссертации обусловлена обращением к этим связям, а также необходимостью учитывать изменение потребностей и условий их реализации при оценке правовых решений (С. 4–7, 12).

Практическая сторона поставленной проблемы проявляется при определении публичных приоритетов, ограничении легитимных стремлений и правовых возможностей и выборе средств защиты. Употребление категории интереса в законодательстве и правоприменении требует установления её содержания в конкретной ситуации. Автор рассматривает эти вопросы через связь значимости блага, положения его носителя и доступных юридических средств, что позволяет поставить вопрос о соотношении интересов как при подготовке нормативно-правовых решений, так и при их применении к отдельным отношениям (С. 7–8, 13–14).

Методологическая основа соотнесена с предметом исследования. Интерсубъективное правопонимание служит объяснению социальной природы интересов и их нормативного признания; инструментальный подход используется для анализа средств реализации, а синергетический – для рассмотрения изменений и самоорганизации правовой системы. Их применение дополнено генетическим и системно-функциональным анализом, моделированием, междисциплинарным синтезом, абстрагированием и деконструкцией. Нормативно-правовой, сравнительно-правовой и формально-логический методы позволяют исследовать законодательные конструкции и способы их использования. Телеологический, социокультурный и коммуникативный подходы привлекаются при изучении целей регулирования и условий согласования интересов.

Теоретическая база объединяет исследования общей теории права, философии и других социальных наук с трудами по отраслевой юридической

проблематике. Нормативный материал включает российское законодательство и международно-правовые акты. Эмпирическая основа исследования представлена судебными актами. Использование этих источников даёт возможность сопоставить доктринальные понимание интересов с их выражением в правовых предписаниях и юридической аргументации (С. 16–18).

Содержание и основные результаты исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих пятнадцать параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения. Последовательность изложения соответствует движению от методологических оснований и природы интереса к его юридическим формам, далее – к интересам различных носителей и средствам их согласования. Завершающая глава объединяет полученные результаты в концепцию и определяет направления её реализации. Во введении раскрыты цель и задачи, объект и предмет работы, основания научной новизны и сведения об апробации (С. 12–34).

В главе 1 ***«Теоретико-методологические основы исследования интересов в праве»*** устанавливаются исходные понятия и методы изучения интересов, а также их связь с легитимностью и справедливостью права. Первый параграф содержит сопоставление классических и неклассических подходов к познанию права. Выбор методов связывается с тем, какие стороны правовой действительности они позволяют раскрыть (С. 43–45). Интерсубъективный подход объясняет формирование интересов в отношениях между субъектами, инструментальный обращён к средствам достижения целей, синергетический – к изменениям правовой системы (С. 59–63). Представленные автором логические категории равнозначности, единства, пересечения, подчинения и соподчинения, противоположности и противоречия применяются к сопоставлению направленности интересов, их элементов и способов осуществления (С. 60–63). Методологическое значение этого решения состоит в переходе от общей характеристики интересов к

установлению конкретных связей между ними, включая различение разнонаправленности и взаимного исключения их реализации. Во втором параграфе прослеживается преобразование потребности в интерес. Завгородней А. А. в исследовании потребность характеризуется как ещё неопредмеченная необходимость, интерес – как сознательное побуждение к получению определённого блага через общественные отношения (С. 76–78). Внешние требования и правовые стимулы могут актуализировать вторичные потребности, на которых основываются соответствующие интересы (С. 68). Автором обосновывается трехчленная составляющая интереса в праве (объективная , субъективная, интерсубъективная). Объективная составляющая интереса отражает связь с благом, субъективная включает потребность, её осознание и оценку, интерсубъективная – социально-нормативные условия выбора способов удовлетворения потребности. Функции интереса также рассматриваются во взаимосвязи с его объективной, субъективной и интерсубъективной составляющими (С. 86, 88). Отдельно рассматривается связь интереса, волевой регуляции и волеизъявления (С. 89–91). В третьем параграфе исследуются условия общественного признания права. А. А. Завгородней легитимность сопоставляется с действительностью, признанием и действенностью, а её содержание раскрывается в связи с отражением социальных интересов в правовых возможностях (С. 95–96). Правотворческая воля рассматривается как источник права, а её основу составляют публичные интересы в их актуальной иерархии, тогда как нормативный акт выступает последующей формой выражения (С. 101–103). Формальная, содержательная и процедурная справедливость различаются по оцениваемым сторонам правового взаимодействия: юридическим условиям, распределению благ и ограничений, порядку принятия решения. Процедурные требования раскрываются как средство согласования интересов и легитимации результата (С. 111–113).

Глава 2 ***«Интересы в праве: сущность и типология в рамках закономерностей правового опосредования»*** посвящена изменениям

интересов при их юридическом признании и обеспечении. В первом параграфе типология строится по степени правового опосредования. Автор различает блага, к которым направлены социальные стремления, и инструментальные блага, создающие условия их достижения (С. 124, 146). Легитимные интересы характеризуются как возникающие из социальных ожиданий правообразовательные установки, которые могут получить общественную институционализацию и законодательное закрепление (С. 137). А. А. Завгородней признания интересов исследуется с использованием восьми аналитических приёмов: структурного, функционального, институционального, динамического, генетического, транзитивного, контекстуального и по степени реализации. С их помощью устанавливаются место интереса в праве, его служебная роль, условия формализации, изменения во времени и передача свойств через промежуточные звенья (С. 147–152). Второй параграф раскрывает правовые интересы через стремление к фактической определённости общественных отношений, достигаемой посредством правопорядка. Правовая определённость характеризуется как инструментальное благо, необходимое для получения других благ (С. 168–169). Социальные стремления, обеспеченные юридическими средствами, рассматриваются как охраняемые правом интересы, а юридические интересы выражают формально закреплённые средства их осуществления. Автор анализирует, как информация о дозволениях, запретах и обязанностях влияет на целеполагание и выбор поведения. Исполнение обязанности обеспечивает интерес другого лица или общества и одновременно может опираться на вторичную потребность обязанного субъекта (С. 163–169). Тем самым разграничиваются мотив поведения и юридическое установление, посредством которого организуется его осуществление. В третьем параграфе конкретизируется система юридических интересов, объединяющая дозволительные и ограничивающие средства (С. 170, 200–201). Автор законный интерес связывает с общим дозволением, которому не соответствует конкретная обязанность другого

лица. Его реализация предполагает собственные организационные либо преобразовательные действия и возможность судебной защиты, при этом получение блага не гарантируется (С. 200–201). Охраняемый законом интерес определяется как социальный интерес, обеспеченный юридическими средствами, а законный интерес – как одна из форм такого обеспечения. Исследуются значение согласия другой стороны, изменение и прекращение правоотношений, преобразование законного интереса в субъективное право (С. 182–185, 201). Сопоставление этих конструкций уточняет основания квалификации притязания и содержание доступной защиты.

В главе 3 ***«Соотношение интересов в праве по степени обобщения и характеру значимости благ»*** предметом анализа становятся индивидуальные, групповые и общественные интересы, их выражение в деятельности публичных институтов и основания разграничения частного и публичного. Первый параграф раскрывает различия индивидуальных и общественных интересов в праве по субъекту-носителю, степени обобщения, количественному критерию и значимости благ (С. 203–205, 220). Переход между индивидуальным и общим исследуется через групповые интересы. Их преобразовательная функция заключается в обобщении стремлений участников и выражении требований к государственным и правовым институтам (С. 213). При рассмотрении корпоративного интереса учитываются цели организации и выполняемые ею функции; разграничиваются её собственные интересы и общественные интересы, реализации которых способствует её деятельность (С. 215–216). Завершает параграф анализ влияния публичных интересов на индивидуальное правосознание и социальную активность (С. 221). Во втором параграфе соотношение гражданского общества и государственной власти исследуется через различие общественного блага и средств его обеспечения. Государство во внутригосударственных отношениях определяется автором как агент общественных интересов (С. 267–269). Содержание служебных и ведомственных интересов связывается с задачами, функциями и ресурсами

соответствующих органов. В авторской типологии они обозначаются как квазигосударственные. Отдельно рассматриваются муниципальные интересы населения территории и национальные интересы государства-нации в международных отношениях (С. 269). Автор соотносит деятельность публичных институтов с пределами усмотрения и общественным контролем. Основания приоритета представляемых ими интересов требуют согласования, выходящего за пределы нормативного закрепления полномочий (С. 228, 268). Третий параграф содержит классификацию частных и публичных интересов, основанную на природе благ и способах их получения. Характер блага, возможность самостоятельного получения и системообразующее значение относятся к первичным признакам, а правовой режим, механизмы осуществления и защиты – к вторичным (С. 269, 289). Государственное признание либо массовость потребностей сами по себе не признаются достаточным основанием квалификации. А. А. Завгородней выделяются диспозитивные и императивные публичные интересы. Диспозитивные публичные интересы связываются с полезностью благ и государственной поддержкой, императивные – с жизненно необходимыми благами (С . 287–288). Классификация дополняется субъектными, территориальными и временными основаниями. При исследовании обеспечения публичных интересов сопоставляются правомочия частных лиц, полномочия публичных органов, права требования и корреспондирующие им публичные обязанности (С. 285–289).

Глава 4 ***«Институционализированные формы соотношения интересов в праве»*** объединяет исследование баланса, пропорциональности и доктринальных оснований справедливого соотношения интересов. В первом параграфе условия баланса определяются в зависимости от характера отношений. Автор исходит их позиции, что для равных субъектов исходное значение имеет формальное равенство; соотношение интересов неравных участников может предполагать приоритеты, основанные на признанных ценностях, актуальных угрозах или процедурном согласовании (С. 305).

Ключевым элементом здесь выступает баланс, который автором характеризуется как презумпция согласованности и динамическое равновесие. Для его контекстуальной оценки А. А. Завгородней предложены правовые, социальные и функциональные показатели, включая соразмерность ограничений, соответствие ожиданий и возможностей, процедурную справедливость, базовые интересы личности и компенсационные возможности слабой стороны (С. 305–307), при этом учитываются также социальные последствия регулирования и изменение условий взаимодействия. Различение частноправового и публично-правового балансирования позволяет конкретизировать основания выбора правовых средств (С. 306–307). Во втором параграфе автор уделяется внимание пропорциональности, рассматривая ее как алгоритм проверки легитимной цели, пригодности, необходимости и соразмерности ограничения (С. 318). Характеристика А. А. Завгородней пропорциональности как «бессодержательного» принципа раскрывает процедурную функцию по отношению к другим принципам (С. 337). В публично-правовых отношениях автор выделяет предварительное коммуникативное согласование интересов. Ограничение права связывается с предоставлением альтернативных возможностей либо права обжалования (С. 338). При разрешении противоречия между правовой определённостью и справедливостью автор предлагает при равной весомости принципов отдавать предпочтение тому, который стоит на стороне публичного интереса и причиняет наименьший ущерб конкурирующим интересам (С. 339). Автор продолжает рассматривать через призму аналитических приемов в том числе и применение теста, что позволяет установить содержание затрагиваемых интересов и характер связей между ними (С. 336–338). В третьем параграфе верховенство права и правовое социальное государство сопоставляются по обеспечиваемым интересам, целям и средствам их согласования (С. 354–355). Верховенство права автором раскрывается через требования законности, правовой определённости, предсказуемости, равенства, доступа к правосудию и независимого контроля (С. 345, 348–350). Судебная защита

А. А. Завгородней связывается с проверкой оснований ограничения интересов и предупреждением злоупотребления полномочиями. Заслуживающим внимание является рассмотрение автором доктрин в российской правовой системе через конституционное судопроизводство и динамическое толкование Конституции. Автором весьма обосновано конституционализм характеризуется как конструкция, обеспечивающая средства реализации верховенства права, а само верховенство права — как условие признания государства правовым (С. 355).

Глава 5 ***«Концепция соотношения интересов в праве: теоретическое обоснование, содержание, реализация»*** раскрывает место полученных результатов в объяснении принципов и свойств права, а затем определяет состав концепции и условия её применения. Первый параграф посвящён принципам как институциональной форме выражения и реализации интересов. А. А. Завгородняя выделяет доправовые принципы, принципы права и правовые принципы, разграничивая их с учётом степени обобщения средств получения благ и функций в правообразовании (С. 361–363). Их регулирующее действие прослеживается через содержание норм, статусов, режимов и процедур, создание правовых средств, интерпретацию и воздействие на правосознание (С. 371–372). Автором правовая определённость рассматривается как инструментальное благо, обеспечивающее определённость общественных отношений; пропорциональность – как алгоритм применения других принципов. Стоит отметить, что существенным для общей теории права представляется исследование принципов через их участие в институционализации интересов, позволяющее сопоставить правообразующее значение и конкретные способы регулирующего воздействия. Во втором параграфе исследуется влияние соотношения интересов на свойства права. Статическая составляющая выражается в нормативности и формальной определённости, динамическая – в целенаправленности, функционировании и изменении права во взаимодействии с социальной средой (С. 395–396). Формы сотрудничества и

противоборства интересов сопоставляются с типами правового регулирования (С. 396–397). Рассмотрение А. А. Завгородней содержательных и аксиологических дефектов дополняется анализом правового нигилизма и конформизма. Автор указывает, что социальная пассивность затрудняет выявление потребностей законодателем; поэтому значение имеют правовая инициатива, взаимная информированность и возможность выражения интересов (С. 379, 395). Эти положения связывают оценку законодательства с условиями участия его адресатов в правообразовании. В третьем параграфе определены элементы концепции: типология интересов по степени правового опосредования, формы их соотношения, механизмы институционализации и легитимации, средства динамического равновесия (С. 417). Содержание концепции раскрывается также через аксиологическую, коммуникативную и деятельностную функции интересов (С. 401). По мнению автора, её реализация предполагает учёт социального контекста при правотворчестве, правоприменении и толковании, дифференциацию условий балансирования для различных субъектов и отношений, использование пропорциональности и дискурсивного согласования (С. 418). Законодательные предложения направлены на согласование понятийного аппарата и уточнение юридических способов реализации и защиты интересов.

В заключении обобщаются результаты, полученные при решении исследовательских задач (С. 420–432).

Научная новизна и оценка авторской концепции. Новизна работы определяется разработкой авторской концепции соотношения интересов в праве. В её составе объединены методологические положения, определения и типология интересов, способы исследования их взаимосвязей и средства справедливого согласования. Положения, выносимые на защиту, раскрывают эти результаты на разных уровнях правового опосредования и применительно к различным носителям интересов (С. 19–31).

Методологический результат выражен в распределении исследовательских задач между интерсубъективным, инструментальным и

синергетическим подходами и разработке восьми аналитических приёмов. Понятийный результат включает характеристику интереса в праве как социально обусловленного стремления к получению благ и выделение его интерсубъективной составляющей. Вопросы легитимности, справедливости, социальной и юридической эффективности рассматриваются во взаимосвязи с отражением интересов в правовых возможностях и порядком принятия решений. Представлены показатели общественного признания права и раскрыта частичная самостоятельность его легитимности по отношению к легитимности публичной власти (С. 20–22).

В типологии интересов в праве последовательно различаются социальные стремления, их общественное признание, интерес в правовой определённости и юридические средства осуществления. При этом учитываются потребность в правовом комфорте, правосознание, правовые ожидания и согласование интересов. Показаны инструментальная роль правовых интересов, особенности дозволительных и ограничивающих юридических интересов, а также действие обязанностей и запретов через актуализацию вторичных потребностей адресатов. Различение законных и охраняемых законом интересов включено в объяснение этих процессов (С. 22–24).

Результаты анализа субъектов и благ представлены характеристикой преобразовательной роли групповых интересов, разграничением первичных и вторичных признаков частного и публичного, выделением диспозитивных и императивных публичных интересов. Инструментальное понимание государства позволяет соотнести полномочия с обеспечиваемыми общественными благами и отдельно рассмотреть организационные интересы аппарата. Эти положения использованы при определении типов правового обеспечения (С. 24–26).

В исследовании баланса предложена оценка динамического равновесия с учётом презумпции согласованности и конкретных условий отношений. Для контекстуальной оценки разработаны правовые, социальные и

функциональные показатели, учитывающие соответствие интересов правовым возможностям, процедурную справедливость, социальную динамику и компенсационные возможности. Уточнены основания приоритетов для равных и неравных субъектов, а аналитические приёмы включены в применение пропорциональности (С. 26–28).

Сопоставление верховенства права и правового социального государства продолжает этот анализ на уровне доктринальных оснований. В пятой главе нормативность принципов объясняется интерсубъективным характером выраженных в них интересов, а право определяется через институционализированные способы реализации легитимных социальных интересов. Функциональное разграничение принципов дополнено рассмотрением статической и динамической составляющих права. Концепция объединяет названные положения с условиями легитимного компромисса, при котором взаимные уступки сохраняют возможность реализации ограничиваемых интересов, и законодательными предложениями (С. 28–31).

Цель формирования научной концепции соотношения интересов следует признать в целом достигнутой. Её целостность определяется связью между пониманием природы интересов, основаниями их типологии и выбором юридических способов осуществления. Анализ форм соотношения затем используется при оценке баланса и обосновании ограничений. Динамический характер концепции выражается в необходимости пересматривать установленное соотношение при изменении значимых условий реализации интересов. Таким образом, положения отдельных глав объединены общим предметом и последовательностью решения исследовательских задач (С. 13–14, 30, 417–419).

Значение результатов для науки и практики. Для юридической науки работа имеет значение как исследование связи социальных оснований интересов с их нормативным выражением. Предложенные разграничения могут использоваться при изучении правовой мотивации, правообразования, субъективных прав и законных интересов, частноправового и публично-

правового регулирования. Аналитические приёмы создают основу для сопоставления интересов по нескольким основаниям, что позволяет конкретизировать содержание широко используемых категорий соотношения и баланса (С. 31–32).

Практический результат представлен в Приложении А сравнительной таблицей законодательных предложений (С. 473–554). Сопоставление нормативных положений с авторскими редакциями делает предметом обсуждения конкретные способы юридического выражения интересов. В таблице представлены как терминологические изменения, так и предложения о включении пропорциональности в деятельность публичных институтов. Например, дополнение статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает применение теста пропорциональности при проверке оспариваемого регулирования (С. 552–553). Таблица придаёт выводам исследования прикладную форму и позволяет оценивать отдельные предложения с учётом назначения соответствующих норм. Результаты целесообразно использовать в дальнейших общетеоретических и отраслевых исследованиях, при подготовке нормативных решений и их правовой экспертизе. Для правоприменения значение имеют разграничение социальных притязаний и юридических средств их осуществления, установление оснований публичного приоритета и последовательная проверка правоограничений. В учебном процессе положения работы могут включаться в курсы теории государства и права, философии права, истории и методологии юридической науки, а также в специальные курсы по правотворчеству и правовой аргументации (С.31–32).

Обоснованность и достоверность научных результатов. Аргументация основных положений строится на сопоставлении научных подходов, анализе законодательства и материалов правоприменения. Переход от исходных определений к типологии, а затем к формам соотношения интересов позволяет проследить основания итоговых выводов. Выбор методов соответствует исследуемым сторонам правовой действительности;

предлагаемые разграничения объясняются через содержание интересов и функции обеспечивающих их средств. Обоснованность и достоверность основных теоретических выводов поддерживаются соотнесением этих разграничений с нормативным материалом и судебной аргументацией.

Согласно сведениям окончательной диссертации, результаты отражены в 36 публикациях, включая одну монографию и 22 статьи в изданиях из перечня ВАК, обсуждались на научных мероприятиях и использованы в учебной, научной и практической деятельности (С. 32–34). Представленный автореферат раскрывает основной замысел исследования, типологию интересов, положения о балансе и пропорциональности, содержание концепции и направления её реализации.

Замечания и дискуссионные положения. Положительная оценка диссертации не исключает обсуждения отдельных вопросов, имеющих значение для дальнейшего использования её результатов. Следующие замечания направлены на уточнение терминологии и прикладное развитие предложенных положений.

1. Дискуссионным представляется вывод об исключительном проявлении национальных интересов в международных отношениях (С. 269). Автор определяет их как публичные интересы международного значения (С. 260), одновременно признавая зависимость их реализации от внутренних и внешних факторов (С. 261). Суверенитет и территориальная целостность включены также в содержание публичных императивных интересов (С. 415). Возникает вопрос: международная сфера характеризует особую функцию государства по представительству интересов нации или всю совокупность отношений по их осуществлению? Следовало бы точнее разграничить содержание национального интереса, его внешнее представление и внутригосударственные способы реализации, определив тем самым пределы формулы «исключительно в международных отношениях».

2. Не вполне определённым представляется уровень обобщения вывода о прямой корреляции форм соотношения интересов и типов правового

регулирования. Синергия и компромисс связываются с дозволительным типом, диспозитивными методами и стимулирующими средствами, конкуренция и конфликт – с разрешительным типом, императивными методами и ограничениями (С. 396–397, 417). Между тем в исследовании показаны совместное действие типов регулирования, сочетание ограничительного и поощрительного воздействия при компромиссе, различия между реализацией и охраной интересов (С. 382, 384, 415). Следовало бы пояснить, характеризует ли выявленное соответствие преобладающую направленность регулирования определённой сферы либо отдельные правоотношения и стадии их развития. Разграничения требуют также общий тип регулирования, применяемый метод и назначение конкретного правового средства: использование ограничения ещё не характеризует весь механизм как разрешительный.

3. Дополнительного обсуждения заслуживает содержательный предел взаимных уступок при согласовании интересов. Автор признаёт приоритет базовых интересов личности и недопустимость ограничений, приводящих к утрате реального содержания прав (С. 305, 386). Легитимный компромисс также связывается с сохранением возможности реализации ограничиваемых интересов (С. 397). Вместе с тем желательно конкретизировать, по каким содержательным признакам допустимое уменьшение возможностей осуществления права отличается от утраты его реального содержания. Как этот предел учитывается при проверке пропорциональности и какое значение имеет согласие участников с установленным ограничением? Особый интерес представляет ситуация, когда достигнутый результат признаётся участниками справедливым, но предполагает существенные уступки со стороны одного из них.

4. Какое значение для итогового правотворческого решения имеют результаты предложенного автором дискурсивного согласования? Требования открытости, доступности, равенства и инклюзивности сформулированы в работе (С. 100); публичный дискурс между гражданским обществом и властью

рассматривается как условие согласования интересов (С. 327, 338, 418]. Применительно к одной правотворческой процедуре полезно было бы показать, как фиксируются затрагиваемые интересы и поступившие возражения, по каким основаниям они учитываются либо отклоняются. Тем самым получила бы конкретизацию связь участия носителей интересов с мотивировкой решения, которым устанавливается их соотношение.

5. Применительно к сфере охраны здоровья хотелось бы уточнить соотношение диспозитивных и императивных публичных интересов. Здравоохранение приведено в числе сфер диспозитивных публичных интересов, тогда как здоровье нации и отдельного человека связано также с жизненно необходимыми благами (С. 26, 275). Если при кризисной угрозе усиливаются обязательные правовые меры, означает ли это изменение классификационной принадлежности конкретного интереса или только средств и интенсивности его обеспечения при сохранении характера блага? Автор учитывает динамику интересов и влияние кризисов (С. 275, 415); дополнительного пояснения требует отражение этих обстоятельств именно в разграничении двух видов публичных интересов.

6. В авторской типологии требует согласования объём категории «правовой интерес». На С. 140, 145 и 152 она охватывает интересы, охраняемые либо опосредуемые правом, и выполняет родовую функцию. Вместе с тем на С. 23, 156, 168–169 правовые интересы характеризуются как особый инструментальный тип – стремления к фактической определённости общественных отношений через правопорядок. В первом случае основанием выделения категории выступает правовое опосредование, во втором – направленность стремления на определённое инструментальное благо. Эти основания могут давать различный объём понятия. Поэтому необходимо пояснить, используются ли широкий и специальный смыслы термина либо предполагается единая категория. От решения этого вопроса зависит последовательность типологии: является ли правовой интерес общей характеристикой юридически опосредуемых стремлений или

самостоятельным интересом, обеспечивающим реализацию иных социальных интересов.

7. При обращении к примеру договорного регулирования семейных отношений обнаруживается несогласованность критериев приобретения интересом публичного характера. На С. 144 законодательное закрепление типичных интересов значительного круга субъектов связывается с их становлением публично-правовыми. На С. 274 правовая охрана и государственная поддержка также используются при обосновании диспозитивных публичных интересов. Между тем далее автор прямо указывает, что регулирование однородных индивидуальных интересов не придаёт благу общесоциального характера, а при повторном обращении к семейному примеру отрицает публичную природу соответствующих интересов (С. 275, 277). Эти квалификации необходимо согласовать с положением о приоритете природы блага над формой правового обеспечения (С. 25, 269). Следует разграничить публично-правовое обеспечение частного интереса и самостоятельный публичный интерес к поддержанию определённых общественных отношений: законодательное опосредование первого ещё не объясняет возникновения второго.

Указанные замечания имеют уточняющий и дискуссионный характер. Они касаются способов представления и применения отдельных результатов и не изменяют общей положительной оценки научного содержания диссертации. Обсуждение этих вопросов позволит конкретизировать возможности использования концепции в юридических исследованиях и практике.

Заключение. Диссертация ***А. А. Завгородней «Интересы в праве и их соотношение: теоретико-правовое исследование»*** представляет собой самостоятельную завершённую научно-квалификационную работу, обладающую внутренним единством. Разработанные в ней теоретические положения о природе, типологии, правовом опосредовании и соотношении интересов объединены в авторскую концепцию. Их совокупность может быть

квалифицирована как научное достижение, имеющее значение для развития общей теории права. Содержание исследования соответствует научной специальности 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

По своему научному содержанию и характеру полученных результатов диссертация соответствует критериям, установленным пунктами 9 и 10 Положения о присуждении учёных степеней, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения учёных степеней» (в актуальной редакции). Завгородняя Анастасия Александровна заслуживает присуждения учёной степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

Отзыв подготовлен профессором кафедры теории и истории государства и права, доктором юридических наук, профессором Сафроновой Еленой Викторовной (специальность 12.00.01 – Теория и история государства и права, история учений о праве и государстве).

Отзыв на диссертацию рассмотрен и утвержден на заседании кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (протокол № 3 от 20 октября 2026 года.)

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный
университет»,
кандидат исторических наук, доцент Н.С. Петрищева

Сведения о ведущей организации:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Юго-Западный государственный университет»
Почтовый адрес: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: +7 (4712) 50-48-00
Адрес электронной почты: rector@swsu.ru
Адрес официального сайта в сети «Интернет»: https://swsu.ru

Подпись
удостоверяю
Специалист по кадрам